

В.М. Головки

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ИДЕЯ ЧЕЛОВЕКА»

Анализируется теоретико-методологическое содержание категории «идея человека». Рассматривается ее потенциал в изучении философско-эстетических принципов, определяющих целостность и логическую непротиворечивость историко-культурных эпох, художественно-познавательных циклов, литературных направлений, больших стилей и творческих методов. Доказывается, что обновлением «обобщенной идеи человека» детерминируется преемственное развитие художественных систем и активизация жанрообразовательных процессов.

Ключевые слова: идея человека; тип мироотношения; художественно-познавательный цикл; литературное направление; художественный метод; «большой стиль»; система жанров.

Развитие и совершенствование категориальной системы современного литературоведения во многом определяется актуализацией исследований в области философии литературы. Активизировалось изучение специфики бытования философских смыслов в образных нарративах, закономерных процессов обогащения художественного дискурса философским и, в свою очередь, расширения философского за счёт эстетических форм познания действительности, жизни и человека (см., например: [1–5]). Проблема связи языка философии и литературы оказалась не менее дискуссионной (см., например: [6–8]), чем методологические вопросы изучения «философии в литературе» и «литературы в философии» [9, 10].

При комплексном подходе к изучению многих аспектов современного литературоведения, начиная с вопроса о типе творчества или спецификации культурно-исторической эпохи и завершая поэтикой произведения как идейно-художественной целостности, в понятийную систему филологического анализа включается философско-эстетическая категория «идея человека». Её органичность для литературоведческих исследований определяется двумя основными факторами: во-первых, принципиально то, что художественная литература является феноменом нетеоретического философствования, чем и обусловлена её понимающая и познавательная природа; во-вторых, литература как вид искусства представляет собою область художественного человековедения.

Человек, по словам М.М. Бахтина, – это «организующий формально-содержательный центр художественного видения... Мир художественного видения есть мир организованный, упорядоченный и завершённый вокруг данного человека как его ценностное окружение... Эта ценностная ориентация и уплотнение мира вокруг человека создают его эстетическую реальность» [11. С. 162–163]. Психологическое раскрытие процессов интериоризации в литературе и искусстве адекватно отражает ценностную природу категории «сущность человека», поскольку в художественном творчестве неизменно обнаруживается прямая зависимость авторской аксиологии от уровня и качества ролевых функций изображаемого человека. Очевидно и то, что антропоцентрическая парадигма в современном литературоведении складывалась и продолжает формироваться в процессе всё большего

приближения к такой научной идентификации художественно-познавательной установки писателя (и литературы в целом), в которой манифестируется наличие «человеческого измерения» в качестве стратификации всех уровней литературы как многосоставной эстетической системы.

Художественные формы познания не противостоят научно-теоретическим: и философия, и литература «уясняют... понятие человека, смысла его бытия... уясняют само наличие “высших” целей человека, или “высшего” смысла его существования» [12. С. 56]. Для этих специфических форм осмысления человеческого бытия характерна общность системы понятий и категорий (мир, вселенная, жизнь, смерть, движение, развитие, добро, зло и т.д.), т.е. общность таких «мыслительных конструкций» [12. С. 146–147], которые рассматриваются как в философии, так и в литературоведении. Когда в эпицентр познания выдвигается вопрос о «смысле жизни» как исходной ситуации «наличного бытия», о социокультурном и экзистенциальном компонентах «человеческого капитала личности» [13. С. 65], эта проблематика становится в равной мере органичной для теоретического и эстетического понимания мира и человека, что и определяет интерес писателя к философии. Но философско-теоретическое и художественное понимание различно по своей сути.

О «науке и искусстве» как формах «понимания истины» писал в своё время В.Г. Белинский. Утверждения критика о том, что «философ говорит силлогизмами, поэт – образами, а говорят оба они одно и то же» [14. С. 367], не являются бесспорными. Говоря о «науке» и «поэзии», философии и искусстве как разных формах бытования смыслов, следует иметь в виду, что парадигмы миропонимания у «философа» и «поэта» различны: для первого ведущей является проблема «человек и мир», для второго – «человек в мире». При рассмотрении особенностей познания в научных и художественных текстах речь должна идти не только о разных способах познания, но и о разном содержании познавательной деятельности, о разных смыслах как результатах этой деятельности. В то же время общность гносеологических основ научного и художественного творчества, типологическая природа процесса познания и понимания создают предпосылки для использования философских категорий в лите-

ратуроведческих исследованиях. «Идея человека» в этом случае может быть отрефлексирована как на онтологическом (в парадигме «новой онтологии»), так и эпистемологическом уровнях. Во-первых, художественная реальность бытует в жанровых типах формосодержательной целостности, а бытие литературного жанра характеризуется тем, что жанр существует, понимая [15. С. 136–152]. Во-вторых, эпистемологический ресурс обеспечивает качество литературоведческого анализа при рассмотрении логики преемственной смены литературных направлений и жанро-образовательных процессов, которые находятся в компетенции «идеи человека».

В работах по художественно-философской антропологии эта категория непосредственно сопрягается с понятием типа мироотношения, которым очерчиваются рамки художественно-познавательных циклов и которое лежит в основе законов эволюции и художественных ритмов историко-литературных эпох. Вводя в эстетический дискурс категорию «идея человека», М.М. Бахтин формулировал её как логическую дефиницию обобщенного представления о человеке, характерного для той или иной историко-культурной эпохи (например, «нормативная», «неподвижная» идея человека» эпохи синкретизма, «его» в идее человека эпохи Возрождения, «естественный человек» в антропологии эпохи Просвещения и т.д.) [11. С. 53; 16. С. 218, 256]. При этом в компетенции идеи человека оказывается и «организация образа человека», «процесс построения идеи человека (человек как ценность)» [11. С. 52–58; 16. С. 218]. Когда в теоретико-литературных исследованиях синергетический подход к анализу философско-эстетических принципов художественных направлений реализуется в процессе идентификации «концепции мира и личности», реализуемой в «типологических художественных моделях мира» [17. С. 48–49], или при характеристике «новой концепции личности» формирующегося литературного направления, то, по сути, обозначается сфера компетенции «идеи человека» определённой формации (стадии) эстетического познания.

Р.Р. Москвина и Г.В. Мокроносов указывают на то, что «идею человека» следует рассматривать как «предельно общий принцип миропонимания», «каркас, лежащий в основе философского и художественного осмысления сущности человека в ту или иную эпоху», как «общее понимание человека... в каждую историческую эпоху», «общий тип мироотношения» [12. С. 89, 112]. Этими авторами аргументируется положение о том, что деятельностный (социально-антропологический) подход к проблеме человека определял в философии и литературе «“деятельный” тип мироотношения», начиная с эпохи Ренессанса; он обогащался в эпоху романтизма в форме «духовно-деятельного типа мироотношения», а как тип «“деятельно-практического” мироотношения» определял эстетику классического реализма XIX в. [12. С. 145]. В искусстве модернизма «“деятельный” тип мироотношения» санкционировал «освоение “внутренней”, субъективной сферы человеческого бытия, духовного опыта в его полноте, в его значимости для личности» [12. С. 141]. При этом антипозитивистская философ-

ская мысль неклассического этапа её развития заостряла внимание на идее самоценности «микрокосма» человека, его уникальности. Н.А. Бердяев, например, подчёркивая, что «личность человеческая более таинственна, чем мир», доказывал, что не «мировая среда» творит человека, а человек созидает свой мир [18].

Природа и сущность человека являются предметом философской антропологии, но эта проблематика составляет смысловое ядро идеи человека, которая прорабатывается всеми формами общественного сознания конкретной историко-культурной эпохи. Художественно-философские идеи одновременно с теоретическими учениями о человеке формируют стадийные, исторически обусловленные концепции антропосоциогенеза.

В виде «обобщённой идеи человека» данная категория становится фиксируемой эпистемологической областью исследований и предметом философской рефлексии с конца XVIII в. [19. С. 94]. Когда М. Шеллер в историографическом освещении выделял пять основных, в равной мере односторонних «идей человека» («основных типов самовосприятия человека»), то он обобщал данные теологической, естественнонаучной и философской антропологии в содержательной оппозиции *homo sapiens* – *homo faber*, связывая философию человека с идеей свободы, трактуемой в парадигме «постуляторного атеизма серьёзности и ответственности» [20]. Общие типы мироотношения, прорабатываемые историко-культурными эпохами, в своей совокупности дают представление не только об эволюции понимания человека, но и об ответе на вопрос о человеке. На этот вопрос ответ «способна дать не одна культура, а совокупность возможных типов культурных традиций» [21], именно поэтому самоценным является изучение идеи человека каждой историко-культурной эпохи и философско-эстетических принципов соответствующего ей литературного направления.

«Идея человека» – это категория современного методологического арсенала науки о литературе, которая далеко не в полной мере отрефлексирована в качестве самодостаточной при изучении разных стадийных этапов развития художественного сознания: она, если и освещается в литературоведческих работах, то не как предмет специального изучения, а, скорее, растворяется в общетеоретическом анализе философско-эстетических принципов того или иного литературного направления или художественного метода. Но и такой принципиально важный для научного познания подход к изучению типологии крупных единиц литературного процесса в последнее время встречается крайне редко, что объясняется сменой приоритетов в научной проблематике и вытеснением широких концептуальных построений достаточно эмпирическими сюжетами, теми исследовательскими практиками постмодернистской эстетики, которые ориентированы преимущественно на текст, а не на литературное произведение как «смысловое целое» (М.М. Бахтин). В философско-литературоведческом наследии М.М. Бахтина эта категория обоснована и реализуется именно при анализе эпохальных культурно-исторических и эстетических общностей. В фило-

софском дискурсе данная категория была использована в парадигматических целях в выше указанном исследовании Р.Р. Москвиной и Г.В. Мокроносова, что, по сути, остаётся пока единственным примером глубоко содержательного и результативного оперирования данной категорией в научно-гуманитарном познании. Поскольку «идея человека» («тип мироотношения») определяет эстетическое качество художественной системности в целом, то в литературоведческих работах она становится необходимым инструментом как для теоретического изучения воозренческих основ литературных направлений, «больших стилей», творческих методов, так и для историко-литературного анализа жанрообразовательных процессов и динамики жанровых систем. В таком историко-литературном аспекте уже рассматривалась «идея человека» как жанрообразующий фактор в литературе классического реализма [22, 23], как и обусловленность эволюцией «идеи человека» динамики жанровых систем русской реалистической литературной классики [24]. В подобном ключе исследовался и функциональный аспект «идеи человека» в герменевтике литературного жанра [15]. Такие исследования позволяют актуализировать вопросы теоретической поэтики, выходить на более высокий уровень научно-абстрагирования при изучении логики развития художественного сознания и закономерной, преемственной смены художественно-познавательных циклов. Проектная идея указанного проблемно-теоретического освещения данного аспекта в изучении функционального значения категории «идея человека» становится основной целью при рассмотрении её эпистемологического потенциала.

В этом случае речь идёт именно о возможностях и резервах категории «идея человека» при изучении закономерностей литературного процесса, о перспективных направлениях в освещении воззренческих, философско-эстетических принципов литературных направлений и творческих методов. Такие исследования приобретают особую актуальность, поскольку методологические инновации в области изучения художественных методов являются насущной задачей современного литературоведения: теория художественного метода (особенно реализма) нуждается в существенном обновлении и не может рассматриваться лишь как область дискуссионных полемик. «Пересмотр» методологической базы отечественного литературоведения в постсоветский период самым негативным образом отразился именно на состоянии изучения теоретических метанарративов. Актуализация «идеи человека» («типа мироотношения») как научной категории нацелена прежде всего на привлечение исследовательского внимания к методологическим проблемам анализа именно таких метанарративов и прежде всего – в области идентификации историко-литературных эпох, литературных направлений, творческих методов на основе категорий художественно-философской антропологии.

В современной отечественной философии при рассмотрении данной категории выделяются типологические общности в трактовке природы и сущности человека, характеризующие антропологию классиче-

ского, неклассического и постклассического периодов развития теоретической мысли в её динамике и эволюции. Смысловое ядро этой категории конкретизируется в процессе выделения его определённых составляющих в зависимости от методологии философских направлений. «Идея человека» в экзистенциализме, например, рассматривается с точки зрения «родовой сущности человека», как «новый определяющий судьбу ответ человека своему Ты» [25], в философии постклассического этапа – как «совершенный человек» [26] или «возможный человек» в «связке истории и человека» [27], как «творческое самоопределение» человека «в перспективе возможности абсолютного самопознания», как «абсолютный предел самопознания» [28] или как выражение «свободы творческой деятельности» [29] и т.д.

В новейших исследованиях при характеристике типов культур в истории философии Нового времени – Возрождения, романтизма, реализма, «предэкзистенциализма» (типов самосознания, типов мироотношения) – исторические общности в интерпретации «идеи человека» маркируются концептами «образ» («идеал», «чувственно-конкретный образ совершенного человека»), «понятие» («понятие всего внешнего в единстве с самосознанием»), «экзистенция» («попытка практического осуществления понятия»). При этом справедливо подчёркивается, что идея человека рассматривается не только как устойчивое смысловое ядро, но и «как импульс, разрушающий догматические представления» о человеке, сложившиеся в ту или иную культурно-историческую эпоху [28]. Это закономерный процесс, потому что исторически мнения не только сам человек, но и представление, знание о нём. Но что ещё важнее, «историческое развитие идеи человека показывает»: происходит смена «основополагающих онтологических картин той или иной культурной эпохи» [30], и «каждый новый виток развития» идеи человека «в философии начинается с обращения к прошлому, с переосмысления фундаментальных начал человеческого бытия» [28]. Это значит, что идея человека (тип мироотношения) каждой последующей историко-культурной эпохи меняет воззренческую матрицу по отношению к предыдущей и обновляет её уже в той культуре, которая, в свою очередь, тоже будет отрицаться культурой последующего исторического периода. Если же происходит обновление культуры «в себе самой» (а это, по словам М. Бубера, возможно [25]), то смены идеи человека не происходит, а значит, не происходит и смены художественно-познавательного цикла (литературного направления, «большого стиля»).

При всех эпистемологических вариантах и инвариантах дефиниции «идеи человека» общим в работах исследователей разных направлений гуманитарного знания остаётся идентификация «типа мироотношения», того понимания природы и сущности человека, которое свойственно культуре определённой стадии исторического развития и является фактором, определяющим целостность и логическую непротиворечивость каждой историко-культурной эпохи. Показательно, что Д.С. Лихачёв, конкретизируя понятие «стиль эпохи», рассматривал его «не в узколитера-

турном или языковом смысле», а как «весь стиль отражения мира: стиль описания человека, понимания его внутренних и внешних свойств, его поведения, стиль отношения к общественным явлениям – их видения и близкого этому видению отражения в литературе действительности, стиль понимания природы и отношения к природе» [31. С. 12].

Таким образом, идея человека – величина переменная, историческая. В перспективе стадийного развития художественной литературы она претерпевает существенные, а порою и кардинальные изменения. Эволюция идеи человека определяет «культурную динамику», периодичность, закономерную смену (цикличность), чередование эстетических целостностей, художественных систем, обозначаемых такими понятиями, как «культурно-историческая эпоха» («историко-литературная эпоха»), «художественно-познавательный цикл», «литературное направление», «художественный метод», «большой стиль», «великий стиль», «стиль эпохи» и т.д. Развитие и обновление основополагающих принципов художественно-философской антропологии обуславливает, в конечном счёте, почти «математическую» (А.М. Панченко) закономерность смены художественных направлений, «больших стилей», творческих методов в литературе Нового времени: романский стиль (X–XIII вв.), готика (XII–XV, XVI вв.), Ренессанс (начало XIV–XVI вв.), маньеризм (XVI – первая треть XVII в.) / барокко (XVII–XVIII вв.), классицизм (XVII – XIX вв.), просветительский реализм (конец XVIII в.), сентиментализм (20–80-е гг. XVIII в., в России – конец XVIII – начало XIX в.), романтизм (конец XVIII в. – первая половина XIX в.), классический реализм (XIX в.), модернизм (конец XIX – начало XX в.), неореализм (XX в., в России с начала 1930-х гг. социалистический реализм), постмодернизм (вторая половина XX в.), гиперреализм (конец XX – начало XXI в.).

Философско-эстетический принцип чередования историко-культурных эпох и их воззренческих парадигм установлен и теоретически обоснован Д.И. Чижевским в работе «Культурно-исторические эпохи» (1948) [32], затем конкретизирован и актуализирован акад. А.М. Панченко [33]. Закономерная сменяемость противоположных по философским парадигмам историко-культурных эпох и литературных направлений («великих стилей»), как показал Д.И. Чижевский, «безусловно подчиняется закону колебания противоположностей»: повторяющиеся художественно-эстетические общности бинарного типа (Ренессанс – барокко, классицизм – романтизм («романтика»), реализм – модернизм («неоромантика» (“символизм”))) обусловлены оппозициями «реалистического» и «мистического», материалистического и идеалистического способов познания человека и мира.

«Парадигма Чижевского» вызывала разную реакцию исследователей: от безусловного принятия до методологической критики (за «выпрямление» литературного процесса, недооценку роли исторического детерминизма и т.д.) и попыток внести существенные коррективы. Так, Д.С. Лихачёв, напоминая о том, что в истории науки было немало «теорий замкнутых циклов развития культуры» (Э.Р. Курциус, П.А. Соро-

кин и мн. др.), полемизировал с Д.И. Чижевским в трактовках понятия «стиль эпохи» [31. С. 177–178]. Но Д.И. Чижевский, как и его предшественники Я. Бурхардт, Г. Вёльфлин, Ф.И. Шмит, имел в виду не столько стиль в искусстве, сколько тип культуры, обусловленный онтологической парадигмой историко-культурной эпохи.

Культурологическая идея Д.И. Чижевского подкрепляется данными современной философии о закономерной смене «глобальных научных революций» как смены типов рациональности», что, по мнению В.С. Стёпина, проявляется во взаимосвязи философской антропологии и философии науки [34. С. 618]: смена парадигм в философской антропологии неизбежно вызывает кардинальную трансформацию типов мироотношения, а значит, и дискурсов разных «типов рациональности».

А.М. Панченко, вслед за Д.С. Лихачёвым различая «первичные» и «вторичные» стили, «главные» и «относительные» движения в литературе, полагал, что в бинарных оппозициях стилей (например, готика/Ренессанс, барокко/классицизм, романтизм/реализм) первое («вторичный стиль») традиционно имеет пейоративный оттенок, а второе («первичный стиль») всегда окрашено положительно [33]. История литературы – это постоянная смена «реалистической» (материалистической) и «мистической (идеалистической) философско-онтологических основ художественных систем. Так, «идея человека» эпохи классического реализма (как западноевропейского, так и отечественного) формировалась с ориентацией на традиции философского материализма, а «идея человека» искусства модернизма, поддерживаемого традициями Ламберта, Канта, Шопенгауэра, Ницше, Бергсона, Гуссерля, философского интуитивизма и символизма, – на константы «идеи», «логоса», «феномена», «сознания», «духа». Таким образом, общекультурное явление – чередование эстетических систем – возникает в результате «отрицания» одного художественно-познавательного цикла другим, опирающимся на противоположную философско-антропологическую традицию.

При смене эстетических приоритетов может происходить и своеобразная переакцентировка смыслов. В данном случае имеется в виду «главное и общее движение», «однонаправленное развитие, проходящее поверх всех смен стилей»; «относительное» же движение «внутри каждой пары» первичного и вторичного стилей [33. С. 168] почти «математическую» их смену столь явно не проявляет. На отдельных этапах развития ведущего литературного направления могут сосуществовать традиции предшествующих художественных методов и формироваться последующие. Д.И. Чижевский тоже вовсе не «выпрямлял» литературный процесс, предлагая «концепцию бесконечного взаимопереплетения и взаимопределения параллельных рядов... Бесконечно объединяет действительность любой монизм – материалистический или идеалистический, – писал он. – Жизнь бесконечно богата проявлениями, в которых нет начала и конца. Движение идёт не просто, а зигзагообразно, спиралевидно... Одни ряды отстают, другие их опережают, происходят

катастрофы и провалы, но развитие (не путать с прогрессом!) вечно» [35. С. 25].

Это особенно важно иметь в виду при изучении историко-литературной эпохи классического реализма. Реализм Гончарова или Лескова, например, невозможно трактовать с позиций «монизма». Игнорирование категории художественного метода, столь очевидное в современной науке о литературе, усугубляется при освещении проблем литературного процесса XIX в. и эстетики реализма. Как только из объекта научного внимания исчезает парадигматическая функция «идеи человека» («типа мироотношения») и не дооценивается, игнорируется «зигзагообразное, спиралевидное» литературное «движение», «взаимопереплетение материалистического и идеалистического», сразу же дискредитируется воззренческая, философско-эстетическая доминанта историко-литературной эпохи, т.е. та матрица, которая определяет специфику и границы реализма как художественно-познавательного цикла.

В постсоветский период в научной литературе неоднократно предпринимались попытки объявить научную категорию «творческий метод» схоластической по своей сути и, в частности, представить метод классического реализма как некий симулякр. Такая тенденция была намечена в книге В.В. Кожина «Размышления о русской литературе», который от оправданного отрицания термина «критический реализм» перешёл к отрицанию реализма как литературного направления и творческого метода, фиксируя в литературе второй половины XIX в. сосуществование разных эстетических систем («критического реализма», «сентиментального натурализма», «просветительского реализма», «романтизма» и т.д.) [36].

В монографии В.П. Руднева «Прочь от реальности» [37] эта тенденция проявилась уже в введении реализма XIX в. за рамки литературного процесса вообще. Уместно напомнить, что уже в конце собственной литературной деятельности Достоевский определял суть своего творчества как проявление «реализма в высшем смысле», Тургенев писал о том, что он «реалист по преимуществу» и т.д. Однако, изучая логику литературного развития этой историко-литературной эпохи, некоторые исследователи вынуждены приводить определённые аргументы для своего обращения к проблемам типологии реализма. «Несмотря на очевидную сегодня проблематичность понятия “реализм” в применении к русской классике XIX в., есть смысл сохранить этот термин, когда речь идет о становлении новых творческих писателей круга В.Г. Белинского...», – пишет например, Е.К. Созина в статье 1997 г. [38. С. 58].

Ситуация с рецепцией и интерпретацией классического реализма метода за последние двадцать лет после публикации указанной статьи практически не изменилась. Реализм как творческий метод и в XX в. был объектом научной полемики, в процессе которой конкретизировались вопросы его специфической художественно-познавательной природы и методологии её изучения. Так, одни исследователи акцентировали внимание на проблемах правдоподобия (Р.О. Якобсон, Д.Д. Благой и др.) или художественного де-

терминизма (Г.А. Гуковский, Л.Я. Гинзбург и др.), другие – на принципах объективного отражения действительности и жизни (Г.Н. Пospelов, М.Б. Храпченко, С.М. Петров, В.Д. Днепров и др.), третьи – на определяющей роли в них художественного социально-исторического анализа (В.М. Жирмунский, Б.Л. Сучков, М.Г. Зельдович и др.). Ю.М. Лотман, например, с «реалистической художественной системой» связывал множественность взаимопроектируемых точек зрения, которой объективируется идейно-художественное содержание при изображении действительности [39. С. 24]. Подчеркнём, что в данном случае речь идёт о реализме не как о «продукте определённой парадигмы мышления» исследователей [40. С. 61], а о специфике художественного мышления писателей культурно-исторической эпохи классического реализма.

За три почти десятилетия постсоветской истории теми, кто пытался обосновать «проблематичность понятия “реализм”», так и не была создана какая-либо альтернативная концепция, как не была выработана и философско-эстетическая парадигма анализа художественной системности классического реализма как литературного направления, что позволило бы чётко определить типологическое единство и динамическую целостность того историко-литературного периода, который преемственно сменил романтизм и предшествовал эпохе модернизма.

Классический реализм – динамичная, открытая эстетическая система, коррелирующая с другими художественными общностями, но синергетическая функция «идеи человека» определяет те историко-типологические черты, которые являются характерными для аксиологии творческого метода именно этого литературного направления. Тип «практически деятельного мироотношения» обусловил акцентировку внимания писателей на деятельностной природе и сущности личности, их понимание и освещение вопроса о пределах детерминированности судьбы и свободе воли человека. Типология конфликтов и сюжетно-композиционных структур их произведений определялась в этом случае ролью такого важнейшего идейно-эстетического критерия, как жизнедеятельность героя, одухотворяемая его внеличными целями. На этой основе персонажи оценивались по типу потребностей, мотивов и целей поведения. Осознание потребностей и целеполагание выступали в качестве базисных основ жизнедеятельности героя, при этом категории сознания и самосознания являлась не просто компонентом художественной характерологии, а ценностным критерием эстетической системы реализма [22. С. 90–92]. Закономерно, что при характеристике реализма в соответствии с воплощаемым в произведениях этого типа «деятельно-практического” мироотношения» [12. С. 145] указывается прежде всего на то, что писатели «ставят в центр произведения человека и народ, личность и общество» [17. С. 50], показывают «человека социального» и т.д.

Таким образом, «идея человека» фиксирует доминантный «тип мироотношения», который очерчивает рамки «большого стиля», определяет целостность и логическую непротиворечивость художественной

системы конкретной литературной эпохи, типологию стиливого развития в рамках национальных литератур, характер изображения человека в художественном мире писателей, объединяемых творческим методом. Именно ею причинно обусловлены способы познания и ценностной интерпретации изображаемого, системность образных знаков, специфика художественного обобщения. «Идея человека» (тип мироотношения), с одной стороны, находится в корреляционных отношениях с философской мыслью данной эпохи, а с другой – определяет концепцию человека (человека и действительности) ведущего для литературного направления творческого метода. Создание синтетической истории искусств с единой типологией (истории литературы, в том числе) потому и ограничивалось отдельными «пробами» связи между мироощущением эпохи и её эстетическими системами, что законы художественных ритмов чаще всего пытались определять не в антропоцентрической парадигме (т.е. не на основе «идеи человека», «типа мироотношения»), а на «границах внутрихудожественного мира и мира ментальности данной эпохи» [41. С. 140]. На таких «границах» можно бесконечно долго искать «особую формулу каждой эпохи». «Идея человека» наполняет философско-эстетическим содержанием и смыслом такую «формулу».

Динамикой идеи человека в рамках одного художественно-познавательного цикла определяется диахрония жанровых систем. Например, в историко-литературной эпохе русского классического реализма на основе эволюции в изображении человека и действительности выделяются периоды «синкретического» реализма 1820–1830 гг., этап в развитии реализма 1840-х гг. (движение от механистического детерминизма к освоению противоречивой взаимосвязи человека и среды, личности и общества), период переключения художественного внимания со среды на внутренний мир героя в реализме 1850-х, расцвет метода в 1860–1880-е гг., кризис «позитивистского», ортодоксально-материалистического мировидения и формирование «идеи человека» модернизма («нового идеализма») в литературе 1890-х гг. Эволюция «идеи человека», изменения в художественно-философском сознании этой историко-литературной эпохи проявляются в доминировании эпоса как рода литературы, в динамике эпических жанров, в их влиянии на жанры лирические и драматические, в появлении предпосылок нового художественного синтеза (искусства модернизма).

В практике литературоведческих исследований порою отождествляется «идея человека» и жанровая «концепция человека», особенно в тех случаях, когда рассматриваются изменения в понимании человека в пределах одной историко-литературной эпохи. Но переменная, историческая величина – это именно «идея человека» («тип мироотношения»), а жанровая «концепция человека/личности», составляющая «ядро», «идею» того или иного литературного вида и определяющая его конструктивный принцип, – величина постоянная, устойчивая, типологическая, фиксируемая, по терминологии М.М. Бахтина, «архаикой жанра». Если «жанровая концепция челове-

ка/личности» обеспечивает типологическое, устойчивое в том или ином литературном виде (через систему «род – вид – жанр»), то «идея человека», опосредованная в эстетике художественного метода, – «динамически живое» в нём, историческое, изменяемое (через систему «метод – жанр – стиль»). Когда исследователи описывают «движение», «обновление» «концепции личности» в рамках одного этапа историко-литературного цикла, то в этом случае речь должна идти не о развитии философско-эстетической «идеи человека», т.е. не о методологических изменениях, а о внутренней эволюции идеи человека конкретного художественно-познавательного цикла, следовательно, и о динамике способов изображения отношений между человеком и действительностью в рамках одной «идеи человека».

«Идея человека» как категория историческая прорабатывается всеми жанрами одновременно; ею, в конечном счёте, обусловлены особенности художественного воплощения жанровой «концепции человека/личности» в литературных видах определённой историко-литературной эпохи, а также типологические черты художественно-философской антропологии писателей данного литературного направления на уровне понимания ими природы, сущности человека и воплощения этого понимания в творчестве. С одной стороны, важнейшим критерием жанровой типологии является константное изображение целостного бытия человека, т.е. «воплощение специфического “измерения”... сущности человека как единства индивидуального, социального и “родового”» [12. С. 74]. С другой – тип мироотношения («идея человека»), свойственный тому или иному художественно-познавательному циклу, предопределяет особенности художественной интерпретации целостного бытия человека, которые объективируются в «типе индивидуальности» каждого литературного героя.

Опора на традиции философии литературного жанра М.М. Бахтина позволяет усваивать лучшее в антропологической (не сциентистской) направленности теории жанра, согласно которой жанровую «концепцию человека/личности» можно рассматривать как жанрообуславливающий фактор, обеспечивающий самодостаточный познавательный потенциал каждого жанра [15]. Именно такая концепция определяет характер художественно-завершающего оформления действительности, способы, средства «понимающего овладения» действительностью, «степени широты охвата и глубины проникновения» в неё [42. С. 80]. «Идея человека» детерминирует (наряду с жанровой доминантой) жанрообразовательные процессы. Жанровые типы любого литературного направления (классицистическая трагедия, реалистическая повесть, постмодернистский роман и т.п.) фиксируют стадийный этап в эволюции жанров. Как категория исторической поэтики жанровый тип определяется на основе «снятия», во-первых, художественно-познавательных свойств, «повторяющихся» во всех образцах жанра и жанровых разновидностях, и, во-вторых, – особенностей изображения, причинно обусловленных творческим методом [23. С. 59–62].

Жанровые взаимодействия, благодаря структурообразующей роли «идеи человека» каждой историко-литературной эпохи, носят не эклектический характер, напротив, приобретают целесообразный (системный) вид. Жанры на любом этапе развития художественного сознания одновременно дифференцируются и взаимодействуют друг с другом, их перегруппировкой фиксируется динамика жанровой системы каждого художественно-познавательного цикла. В свою очередь границы доминантной «идеи человека» очерчиваются эволюцией системы жанров, поскольку жанрообразовательные процессы непосредственно реагируют на изменение «идеи человека», которая в ту или иную историко-литературную эпоху активизирует заложенные в них родовые и видовые потенциальные возможности. В историко-литературную эпоху классического реализма, например, наблюдается такая динамика жанровых систем, когда в роли «старших жанров» (Ю.Н. Тынянов) выступают: в 1830 г. – «синкретический» роман, в 1840-е – очерк – роман, в 1850-е – повесть – роман, в 1860–1870-е – роман – повесть; в 1880–1890-е – рассказ – повесть [15. С. 131]. Философская «идея человека», характерная для историко-литературной эпохи, причинно обуславливает доминирование жанров определенного литературного рода, расцвет и развитие тех из них, которые оказываются наиболее предрасположенными к адекватному воплощению собственно эстетических и внеэстетических законов эволюции этой идеи.

Трудно говорить о существенной философской, мировоззренческой трансформации «идеи человека»,

имея в виду один период развития литературы (культурно-историческую эпоху). Другое дело, что на данном этапе литературного процесса уже может формироваться новая «идея человека». В этом смысле можно говорить о движении концепции человека и действительности в контексте развития представлений о природе и сущности человека, эстетически воплощаемых в художественных произведениях данной историко-литературной эпохи. В этом случае происходит значительное (на воззренческом уровне) философско-эстетическое обновление «идеи человека», а следовательно, меняются способы художественного мировидения, в недрах одного художественно-познавательного цикла зарождается другой.

Подобной эволюцией объясняются взаимонаправленные процессы дифференциаций и интеграций жанров, трансформация жанровых систем, появление новых синтетических форм, жанровых рядов, филиаций, разновидностей, не характерных для литературы предшествующего времени, и т.д. Периодическая и устойчиво направленная смена философских доминант («идеи человека») вызывает перестройку художественных систем в целом. Если происходит значительное философско-эстетическое обновление «идеи человека», т.е. изменяется само понимание человека и его отношений с миром, происходит смена способов художественного мировидения в литературе, одна историко-литературная эпоха с её доминантным творческим методом «уступает место» другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Danto A. Philosophy as (and) of Literature // Post-Analytic Philosophy / Ed. by J. Rajchman and C. West (eds.) Post-Analytic Philosophy. N.Y. : Columbia University Press, 1985. P. 63–83.
2. Nussbaum M. The Therapy of Desire: Theory and Practice in Hellenistic Ethics. Princeton University Press, 1996. 584 p.
3. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с франц. и вступ. ст. Н. Автономовой. М. : Ad Marginem, 2000. 520 с.
4. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М. : Весь мир, 2003. 416 с.
5. Колесников А.С. Мировая философия в эпоху глобализации. Москва; Нью-Йорк; СПб. : Northem Gross Publishing, 2008. 434 с.
6. Колесников А.С. Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. Вып. 3. С. 8–36.
7. Трубина Е.Г. Повествование и наука: от альтернативности к симбиозу // Альтернативные миры знания. СПб. : РХГИ, 2000. С. 142–170.
8. Автономова Н.С. Философия и филология (О российских дискуссиях 90-х годов) // Логос. 2001. № 4. С. 91–105.
9. Mackey L. An Ancient Quarrel Continued: The Troubled Marriage of Philosophy and Literature. Lanham : University Press of America, 2002. 292 p.
10. Немецкое философское литературоведение наших дней: Антология. СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та, 2001. 548 с.
11. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.
12. Москвина Р.Р., Мокроносов Г.В. Человек как объект философии и литературы. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 202 с.
13. Пилошенко А.В. К вопросу о социально-философском содержании человеческого капитала личности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 64–67.
14. Белинский В.Г. Собрание сочинений : в 9 т. М. : Худож. лит., 1982. Т. 8. 784 с.
15. Головкин В.М. Герменевтика литературного жанра. 5-е изд. М. : Флинта; Наука, 2019. 184 с.
16. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М. : Худож. лит., 1975. 504 с.
17. Боров Ю.Б. Художественное направление – инвариант художественной концепции мира и личности // Теория литературы. Т. IV: Литературный процесс. М. : Наследие, 2001. С. 47–50.
18. Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви. Самопознание. URL: <http://avidreaders.ru/read-book/metafizika-pola-i-lyubvi-samopoznanie-sbornik.html> (дата обращения: 08.01.2019).
19. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. URL: <https://unotices.com/book.php?id=45838&page=1> (дата обращения: 08.01.2019).
20. Шелер М. Человек и история. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=2ahUKEwib_a_TvcvAhUJDCwKHV1ID2cQFjAAegQIABAC&url=https%3A%2F%2Figitii.hse.ru%2Fdata%2F987%2F313%2F1234%2F3_3_1S_chel.pdf&usq=AovVaw0ihgFRmcXoG5_UFEeWswTG (дата обращения: 08.01.2019).
21. Зильберман Д.Б. Традиция идеи человека. URL: <http://www.fondgp.ru/old/lib/mmk/188.html> (дата обращения: 31.08.2020).
22. Головкин В.М. Русская реалистическая повесть: герменевтика и типология жанра. Москва; Ставрополь : Моск. гос. откр. пед. ун-т; Ставроп. гос. пед. ун-т, 1995. 439 с.
23. Головкин В.М. Историческая поэтика русской классической повести. М. : Флинта; Наука, 2010. 280 с.
24. Головкин В.М. Идея человека как модус художественно-философского познания // Intuitus mentis русских писателей-классиков / под общ. ред. В.М. Головкин. Ставрополь : Изд-во СГУ; Мысль, 2010. С. 12–30.
25. Бубер М. Я и Ты. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000376/st001.shtml> (дата обращения: 08.01.2019).

26. Генисаретский О.И. Совершенный человек: пространственность и событийность перфективного праксиса. URL: <http://prometa.ru/olegen/publications/21> (дата обращения: 08.01.2019).
27. Мамардашвили М. Проблема человека в философии. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5481> (дата обращения: 08.01.2019).
28. Цыгоняева А.Ю. Идея человека в западноевропейской философии. URL: <http://www.dissercat.com/content/ideya-cheloveka-v-zapadnoevropeiskoi-filosofii> (дата обращения: 10.01.2019).
29. Генисаретский О.И. Культурно-антропологическая перспектива. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2755> (дата обращения: 10.01.2019).
30. Попов А.А. Развитие онтологических представлений и идея человека. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=76&ved=0ahUKEwjO_5rc9f_bAhXL2ywkHb1PCnI4RhAWCEQwBQ&url=http%3A%2F%2Fopencu.ru%2Fuploads%2Frazvitie-ontologicheskikh-predstavlenij_ispr.pdf&usq=AOvVaw2G9Y-tMCdGoRBeC9qtIBUn (дата обращения: 10.01.2019).
31. Лихачёв Д.С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. 3-е изд. СПб. : Наука, 1998. 206 с.
32. Чижевський Д.І. Культурно-історичні епохи // Чижевський Дмитро. Українське літературне барокко: Вибр. праці з давньої л-ри. Київ : Обереги, 2003. С. 345–357.
33. Панченко А.М. «Великие стили»: терминология и оценка // Русская литература и культура Нового времени. СПб. : Наука, 1994. С. 166–177.
34. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
35. Чижевський Д. Історія української літератури. Від початків до доби реалізму. Тернопіль, 1994. 480 с.
36. Кожин В.В. Размышления о русской литературе. М. : Современник, 1991. 524 с.
37. Руднев В.П. Прочь от реальности. М. : Аграф, 2000. 432 с.
38. Солина Е.К. Антропологическая проблематика в литературе русского реализма 1840–1850-х гг. // Известия Уральского государственного университета. 1997. № 7. С. 58–77.
39. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. URL: https://adview.ru/wp-content/uploads/2015/09/Yu_M_Lotman_Struktura_Teksta.pdf (дата обращения: 29.08.2020).
40. Фаритов В.Т. Семиотика трансгрессии: Ю.М. Лотман как литературовед и философ // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 60–66.
41. Кривцун О.А. Эстетика. М. : Аспект Пресс, 1998. 430 с.
42. Медведев П.Н. [Бахтин М.М.] Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. Л. : Прибой, 1928. 232 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 декабря 2019 г.

The “Idea of Human” Literary Category: Epistemological Potential

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 23–31.

DOI: 10.17223/15617793/464/3

Vyacheslav M. Golovko, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: vmgolovko@mail.ru

Keywords: idea of human; type of attitude to world; artistic and cognitive cycle; literary direction; artistic method; “big style”; system of genres.

The “idea of human” (“type of attitude to the world”) is considered as a relevant category of the conceptual apparatus of the modern science of literature. The aim of the work is to analyze the theoretical and methodological potential of this category on the basis of large typological units of the literary process, marked with the concepts of “historical and literary era”, “artistic and cognitive cycle”, “literary direction”, “big style”, “artistic method”. The research used the methods of a typological and complex study of literary works, which in the synthesis of literary criticism and philosophy determine the strategy of searches in the field of theoretical and methodological content of the “idea of human” category as the foundation of the literary and philosophical anthropology of cultural and historical eras. The historical and genetic links between the worldview aesthetic principles and the artistic practice of literary trends are problematized. The logic of the research reveals the concept “object – knowledge”, fundamental for epistemology, in the aspects of the structuring of the knowledge of the methodological semantics of the “idea of human” category and of the functioning of the definitions “generalized idea of human”, “type of attitude to the world”, “concept of human and reality”, “whole of human”, “human as a value”. The article shows that the “idea of human” as a philosophical and aesthetic interpretation of the nature and essence of human at a certain stage in the development of artistic consciousness, worked out by the whole culture (R.R. Moskvina, G.V. Mokronosov) and defining integrity and logical consistency of the artistic system, is a synergistically functional semantic core of the historical and cultural era, and this core contains the dialectical potential of “negation of the negation”. As a variable, the historical “idea of human”, in the perspective of the stage development of artistic consciousness, undergoes dramatic changes and is realized in the logic of the successive change of historical and cultural epochs and their philosophical paradigms, in the constant alternation of “realistic” and “mystical”, materialistic and idealistic methods of cognition and images of human and the world (D.I. Chizhevsky, A.M. Panchenko, and others). The conclusions are substantiated that the successive development of literary trends, creative methods and their axiological systems is conditioned by the dynamics of “types of attitude to the world”; that the functioning of the “idea of human” category in literary discourse is focused on argumentation of the ontological nature of fiction, on the identification of philosophical and aesthetic principles that determine the systematic nature and the successive change of artistic and cognitive cycles; that the evolution of the “idea of human” within the framework of one artistic and cognitive cycle is fixed by the dynamics of genre systems since, in the correlations of method, genre and style, “the idea of human” acts as a factor in genre formation.

REFERENCES

1. Danto, A. (1985) Philosophy as (and) of Literature. In: Rajchman, J. & West C. (eds.) *Post-Analytic Philosophy*. New York: Columbia University Press. pp. 63–83.
2. Nussbaum, M. (1996) *The Therapy of Desire: Theory and Practice in Hellenistic Ethics*. Princeton University Press.
3. Derrida, J. (2000) *O grammatologii* [Of Grammatology]. Translated from French by N. Avtonomova. Moscow: Ad Marginem.
4. Habermas, J. (2003) *Filosofski diskurs o moderne* [Philosophical Discourse about Modernity]. Translated from German by M.M. Belyaev et al. Moscow: Ves' mir.
5. Kolesnikov, A.S. (2008) *Mirovaya filozofiya v epokhu globalizatsii* [World Philosophy in the Era of Globalization]. Moscow; New York; Saint Petersburg: Northem Gross Publishing.

6. Kolesnikov, A.S. (2000) *Filosofiya i literatura: sovremennyy diskurs* [Philosophy and Literature: Contemporary Discourse]. In: Kolesnikova, I.A. (ed.) *Istoriya filosofii, kul'tura i mirovozzrenie* [History of Philosophy, Culture and World Outlook]. 3. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. pp. 8–36.
7. Trubina, E.G. (2000) *Povestvovanie i nauka: ot al'ternativnosti k simbiozu* [Narration and science: from alternative to symbiosis]. In: Porus, V.N. & Chertkov, E.L. (eds) *Al'ternativnye miry znaniya* [Alternative Worlds of Knowledge]. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy. pp. 142–170.
8. Avtonomova, N.S. (2001) *Filosofiya i filologiya (O rossiyskikh diskussiyakh 90-kh godov)* [Philosophy and philology (on Russian discussions of the 1990s)]. *Logos*. 4. pp. 91–105.
9. Mackey, L. (2002) *An Ancient Quarrel Continued: The Troubled Marriage of Philosophy and Literature*. Lanham: University Press of America.
10. Smirnov, I.P. (ed.) (2001) *Nemetskoe filosofskoe literaturovedenie nashikh dney: Antologiya* [German Philosophical Literary Criticism of Our Day: Anthology]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
11. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo.
12. Moskvina, R.R. & Mokronosov, G.V. (1987) *Chelovek kak ob'ekt filosofii i literatury* [A Human as an Object of Philosophy and Literature]. Irkutsk: Irkutsk State University.
13. Pilyushenko, A.V. (2018) On the sociophilosophical concept of an individual's human capital. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 430. pp. 64–67. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/430/9
14. Belinskiy, V.G. (1982) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
15. Golovko, V.M. (2019) *Germenevtika literaturnogo zhanra* [The Hermeneutics of the Literary Genre]. 5th ed. Moscow: Flinta; Nauka.
16. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let* [Issues of Literature and Aesthetics: Studies of different years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
17. Borev, Yu.B. (2001) *Khudozhestvennoe napravlenie – invariant khudozhestvennoy kontseptsii mira i lichnosti* [Art movement – an invariant of the artistic concept of the world and personality]. In: Borev, Yu.B. (ed.) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Vol. IV. Moscow: Nasledie. pp. 47–50.
18. Berdyayev, N.A. (2006) *Metafizika pola i lyubvi. Samopoznanie* [Metaphysics of Sex and Love. Self-knowledge]. [Online] Available from: <http://avidreaders.ru/read-book/metafizika-pola-i-lyubvi-samopoznanie-sbornik.html>. (Accessed: 08.01.2019).
19. Foucault, M. (n.d.) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archeology of the Humanities]. Translated from French. [Online] Available from: <https://unotices.com/book.php?id=45838&page=1>. (Accessed: 08.01.2019).
20. Scheler, M. (1993) *Chelovek i istoriya* [Man and History]. Translated from German by T.I. Dudnikova. *Thesis*. 3. [Online] Available from: https://igiti.hse.ru/data/987/313/1234/3_3_1Schel.pdf. (Accessed: 08.01.2019).
21. Zil'berman, D.B. (2015) *Traditsiya idei cheloveka* [The Tradition of the Idea of Man]. *Nekommercheskiy nauchnyy Fond "Institut razvitiya im. G.P. Shchedrovitskogo"* [Non-profit Scientific Foundation "Shchedrovitsky Institute for Development"]. [Online] Available from: <https://www.fondgp.ru/old/lib/mmk/188.html>. (Accessed: 31.08.2020).
22. Golovko, V.M. (1995) *Russkaya realisticheskaya povest': germenevtika i tipologiya zhanra* [Russian Realistic Short Novel: Hermeneutics and typology of the genre]. Moscow; Stavropol: Moscow State Open Pedagogical University; Stavropol State Pedagogical University.
23. Golovko, V.M. (2010) *Istoricheskaya poetika russkoy klassicheskoy povesti* [Historical Poetics of the Russian Classical Short Novel]. Moscow: Flinta; Nauka.
24. Golovko, V.M. (2010) "Ideya cheloveka" kak modus khudozhestvenno-filosofskogo poznaniya ["The Idea of Man" as a Mode of Artistic and Philosophical Knowledge]. In: Golovko, V.M. (ed.) *Intuitus mentis russkikh pisateley-klassikov* [Intuitus mentis of Russian classic writers]. Stavropol: Stavropol State University; Mysl'. pp. 12–30.
25. Buber, M. (1995) *Ya i Ty* [Me and You]. [Online] Available from: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000376/st001.shtml>. (Accessed: 08.01.2019).
26. Genisaretskiy, O.I. (1997) *Sovershennyy chelovek: prostranstvennost' i sobyitiynost' perfekivnogo praksisa* [Perfect Man: Spatiality and eventfulness of perfect praxis]. [Online] Available from: <http://prometa.ru/olegen/publications/21>. (Accessed: 08.01.2019).
27. Mamardashvili, M.K. (2007) *Problema cheloveka v filosofii* [The problem of man in philosophy]. *Gumanitarnyy portal* [Humanitarian Website]. [Online] Available from: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5481>. (Accessed: 08.01.2019).
28. Tsygonyayeva, A.Yu. (2011) *Ideya cheloveka v zapadnoevropeyskoy filosofii* [The Idea of Man in Western European Philosophy]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Saint Petersburg. [Online] Available from: <http://www.disscat.com/content/ideya-cheloveka-v-zapadnoevropeiskoi-filosofii>. (Accessed: 10.01.2019).
29. Genisaretskiy, O.I. (2006) *Kul'turno-antropologicheskaya perspektiva* [Cultural and anthropological perspective]. *Gumanitarnyy portal* [Humanitarian Website]. [Online] Available from: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2755>. (Accessed: 10.01.2019).
30. Popov, A.A. (1995) *Razvitie ontologicheskikh predstavleniy i ideya cheloveka* [Development of Ontological Concepts and the Idea of Man]. [Online] Available from: http://opencu.ru/uploads/razvitie-ontologicheskikh-predstavlenij_ispr.pdf. (Accessed: 10.01.2019).
31. Likhachev, D.S. (1998) *Razvitiye russkoy literatury X–XVII vv.: epokhi i stili* [The Development of Russian Literature in the 10th – 17th Centuries: Epochs and styles]. 3d ed. Saint Petersburg: Nauka.
32. Chizhevs'kiy, D.I. (2003) *Ukrains'ke literaturne barokko: Vibr. pratsi z davn'oi l-ri* [Ukrainian Literary Baroque: Selected works from ancient literature]. Kyiv: Oberegi. pp. 345–357.
33. Panchenko, A.M. (1994) "Velikie stili": terminologiya i otsenka ["Great Styles": Terminology and Evaluation]. In: *Russkaya literatura i kul'tura Novogo vremeni* [Russian Literature and Culture of the Modern Age]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 166–177.
34. Stepin, V.S. (2003) *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya.
35. Chizhevs'kiy, D. (1994) *Istoriya ukrainskoi literaturi. Vid pochatkiv do dobi realizmu* [History of Ukrainian Literature. From the beginning to the era of realism]. Ternopil: Femina.
36. Kozhinov, V.V. (1991) *Razmyshleniya o russkoy literature* [Reflections on Russian literature]. Moscow: Sovremennik.
37. Rudnev, V.P. (2000) *Proch' ot real'nosti* [Away from Reality]. Moscow: Agraf.
38. Sozina, E.K. (1997) *Antropologicheskaya problematika v literature russkogo realizma 1840–1850-kh gg.* [Anthropological Problems in the Literature of Russian Realism in the 1840s – 1850s.]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 7. pp. 58–77.
39. Lotman, Yu.M. (n.d.) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of the Literary Text]. [Online] Available from: https://adview.ru/wp-content/uploads/2015/09/Yu_M_Lotman_Struktura_Teksta.pdf. (Accessed: 29.08.2020).
40. Faritov, V.T. (2017) *Semiotics of transgression: Yu. M. Lotman as a literary critic and philosopher.* *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 419. pp. 60–66. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/419/7
41. Krivtsun, O.A. (1998) *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Aspekt Press.
42. Medvedev, P.N. [Bakhtin, M.M.] (1928) *Formal'nyy metod v literaturovedenii: Kriticheskoe vvedenie v sotsiologicheskuyu poetiku* [Formal Method in Literary Criticism: A critical introduction to sociological poetics]. Leningrad: Pribov.

Received: 08 December 2019